

СОЗНАНИЕ И ЕГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

Добровольская Т.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации»

Автор, ответственный за переписку:

Добровольская Татьяна Вячеславовна, кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО ОмГМУ Минздрава России, tanyushavd@mail.ru

DOI: 10.61634/2782-3024-2023-11-95-101

Вопрос о природе сознания является одним из ключевых в философии. Однако в последнее время повышенный исследовательский интерес к феномену сознания наблюдается не только в философии, но и в других дисциплинах. Было разработано много оригинальных теорий сознания, тем не менее до сих пор, в научной среде (особенно среди естественников), доминирующей остаётся лишь одна позиция. А именно та, согласно которой сознание производно от активности мозга. Основанием такой идеи является, в первую очередь, здравый смысл и, во вторую, клинико-неврологические свидетельства, полученные учёными на рубеже XX и XXI веков. И всё же несмотря на богатство медицинских данных и информации о различных психических феноменах, вопрос о природе сознания стоит с прежней остротой. Вероятно, это говорит о том, что проблема сознания обусловлена не нашим незнанием каких-либо фактов, а неясностью самого понятия сознания. Здесь мы имеем дело не с эмпирией, а с концептуальным вопросом о том, какого рода сущность мыслится в данном понятии. Когда мы задаём вопрос «что такое сознание?», о чём мы спрашиваем?

Ключевые слова: природа сознания, сознание и мозг, психофизическая проблема, лёгкая проблема сознания, трудная проблема сознания, онтология.

CONSCIOUSNESS AND ITS CONTRADICTIONS

Dobrovolskaya T.V.

Omsk State Medical University

The question about the nature of consciousness is one of the key questions in philosophy. Recently, however, increased research interest in the phenomenon of consciousness has been observed not only in philosophy, but also in other disciplines. Many original theories of consciousness have been developed, nevertheless, until now, in the scientific environment (especially among naturalists), only one position remains dominant. Namely, the one according to which consciousness is derived from brain activity. The basis for this idea is, first of all, common sense and, secondly, clinical and neurological evidence obtained by scientists at the turn of the XX and XXI centuries. Yet, despite the wealth of medical data and information about various psychic phenomena, the question about the nature of consciousness remains as acute as ever. Probably, this indicates that the problem of consciousness is caused not by our ignorance of any facts, but by the vagueness of the very concept of consciousness. Here we are dealing not with empiricism, but with the conceptual

question of what kind of essence is conceived in this concept. When we ask the question "what is consciousness?", what are we asking?

Keywords: nature of consciousness, consciousness and brain, psychophysical problem, easy problem of consciousness, difficult problem of consciousness, ontology.

Сознание – наиболее привычный, но и наиболее таинственный феномен в мире. Это «нечто» такое, что находится перед каждым из нас в этот самый момент, но чего мы не ищем или не замечаем, как такового, до тех пор, пока не задумываемся о нём. Что такое сознание? Почему оно существует? Что оно делает? Как оно работает? Каков его онтологический статус?

Это самый интенсивный и самый близкий нам феномен: нет ничего реальнее его. Его приватность очевидна. И вместе с тем, в процессе исследования, размышления о природе сознания, сталкиваешься с его эфемерностью: довольно сложно и проблематично, говоря о сознании, указать, о чём, собственно, идёт речь. Оно не уловимо и тем парадоксально. По отношению к сознанию во многом справедливо то, что Августин говорил в своей «Исповеди» о времени: нам кажется, что мы его вполне хорошо понимаем, до тех пор, пока нас не спрашивают о нём, и именно тогда мы оказываемся в замешательстве. Мы знаем сознание гораздо ближе, чем всё остальное, но мы понимаем всё остальное гораздо лучше, чем сознание.

Размышления о природе чего бы то ни было, предполагают наличие достаточно чёткого определения предмета. К сожалению, философия и наука не могут похвастаться тем, что они за тысячи лет своего существования и развития пришли к сколько-нибудь однозначному определению сознания. Поскольку оно похоже на эластичную, бесконечно податливую и прозрачную «среду», которая мгновенно и без видимого остатка принимает форму любой «руки», пытающейся её «ухватить». При таком положении дел, сказать о сознании можно лишь одно – ключевым для этого феномена является *опыт*. Точнее – *субъективное качество опыта*. Это качество обозначается в философской

литературе разными, но близкими по значению терминами: «субъективная реальность» (чаще используется в русской философской традиции), «ментальное», «феноменальное», «квалиа» (используется англоязычными мыслителями). Субъективное качество опыта представляет собой осознаваемые психические состояния индивида, удостоверяющие для него факт его существования. Оно охватывает как отдельные явления и их виды (ощущения, восприятия, чувства, мысли, намерения, желания, волевые усилия и т.д.), так и целостное персональное образование, объединяемое нашим Я.

Субъективное качество опыта – это, пожалуй, единственное разъяснение (но ни в кой мере не дефиниция сознания), которое можно в данном случае дать. Попытка определить сознательный опыт через более элементарные понятия не ведёт ни к каким результатам. С тем же успехом можно было бы попробовать определить материю, время или пространство в терминах чего-то более фундаментального. Один из современных философов сознания (Джон Сёрл) справедливо подмечает, что дефиниция сознания не возможна ни в терминах необходимых и достаточных условий, ни с помощью родовидовых различий. Ситуация выглядит так, что при всей своей очевидности, сознание, упорно сопротивляется любым концептуализациям. Оно значительно охотнее само выступает в роли объяснительного принципа, даже источника, например мыслительных процессов, чем в роли предмета исследования. Оно будто говорит нам, что сознание поддаётся, если поддаётся (?), изучению только сознания же. Тем не менее попытки познать, определить, выяснить природу сознания не прекращаются. Диапазон таких усилий и мест, где ищется сознание, необычайно

широк: от абстрактно-философских исканий до конкретно-научных исследований (в психологии, когнитивистике, семиотике, лингвистике, кибернетике, информатике, медицине, физике и других).

На первый взгляд, вопрос о сознании кажется не таким уж и трудным. В самом деле: нужно лишь соотнести наши знания о мышлении и чувствах (ментальных процессах), со знаниями о строении мозга и физико-химических процессах в нём, и мы с очевидностью придём к выводу: сознание продуцируется мозгом, то есть физические процессы являются причиной для появления ментальных. Этот вывод нам подсказывает и здравый смысл. В связи с этим не удивительно, что подобное представление является достаточно распространённым среди естествоиспытателей – нейрофизиологов, психофизиологов, нейробиологов и других. Её истоки восходят к хорошо известной идее, выдвинутой одним из пионеров экспериментальной психологии В. Вундом, согласно которой каждое психическое явление имеет своё физиологическое измерение. Нельзя отрицать эвристичности данной идеи, поскольку, опираясь на неё было получено достаточное количество медицинских свидетельств, указывающих на наличие корреляции между состояниями мозга и состояниями сознания. Вот лишь некоторые из них.

Знание о наличии собственного Я – одно из основных содержаний сознания. Элементом этого «знающего о себе» сознания является перцептивное самораспознавание себя – когнитивная информация о том, что её носитель есть живое существо, обособленное от внешнего мира, – автономная, отдельная от окружающей среды «самость». Иначе говоря, информация о границах своего телесного Я, его положения в пространстве (образ тела).

В мозге за нашу ориентацию в физическом пространстве отвечает

задняя верхняя теменная доля (для простоты назовём этот участок головного мозга зоной ориентации). Она оценивает, что находится выше и что ниже, помогает нам судить об углах, расстояниях и глубине (проприоцепция) и потому безопасно передвигаться в окружающем мире. Для выполнения указанных функций эта зона должна иметь чёткий образ физических границ человека. Обеспечивается это сведениями, поступающими, от сенсорных систем со всего тела. В обычном состоянии сознания зона ориентации высоко активна. Но при вхождении в изменённое состояние сознания (например, в процессе глубокой медитации) и переживании в этот момент своей телесной безграничности и слияния с Высшим началом, отмечается резкое снижение активности данной зоны [1]. Она как будто на время «слепнет», лишается той информации, которая ей нужна для нормальной работы.

В случае поражения зоны ориентации человек не может найти своё место в пространстве ни физически, ни психически и, например, простое действие – подойти и устроиться на диване, становится для него невозможно трудной задачей. Оливер Сакс – известный британский невролог и нейропсихолог, описывая свою практику, вспоминает, что, когда он просил своих пациентов с поражённой зоной ориентации подвигать ногами, слышал в ответ: «Сейчас, док, дайте только их отыскать».

Говоря о данном заболевании, О. Сакс приводит воспоминания одного врача и пациента, страдающего этим расстройством: «к ужасу своему, я обнаружил, что временами гораздо слабее прежнего осознавал себя и своё существование. Это переживание было так ново и так незнакомо, что до крайности изумляло меня. Мне беспрестанно хотелось осведомиться у окружающих, по-прежнему ли я Джордж Дедлоу или нет, но предвидя, сколь

нелепыми показались бы им такие расспросы, я удерживался от них, ещё решительнее вознамериваясь отдать себе точный отчёт в своих ощущениях. Временами убеждение в том, что я не вполне я, достигало во мне силы болезненной и угрожающей. Думается, лучше всего описать это как изъясн ощущения личной особенности и самоосознания» [2].

Другой случай, описанный О. Саксом: пациентка, жизнерадостная женщина девяносто лет от роду, страдала церебральным сифилисом. Спирохеты, раздражая её палеокортекс (древние отделы коры головного мозга), вызывали интенсивное чувство эйфории и жизнерадостности, а также невероятный приток жизненных сил. По её собственным словам, она никогда до заболевания не была столь счастлива, и на протяжении нескольких десятков лет не ощущала себя такой живой и весёлой. Подобные примеры вселяют уверенность в учёных-естественников, что предположение (а это до сих пор является всего лишь предположением!) о порождении сознания его нервным субстратом, верно. Однако, в действительности, такие факты ничего не проясняют, а даже запутывают дело. И вот почему.

Есть ряд медицинских исследований, которые ставят идею производности сознания от мозга под вопрос. Например, изучение некоторых пациентов с повреждённой зрительной корой, выявило, что они способны реагировать на предметы, которые «не видят». Несмотря на свидетельства «о полной темноте», они, к примеру, с вероятностью 99 % могут указать рукой на небольшой фонарик, светящий в их сторону, и даже поймать брошенный им предмет. Правда, только в тех случаях, когда врач настаивает на том, чтобы они сделали попытку. Ведь пациенты убеждены, что абсолютно ничего не видят и возможность угадать – простая случайность. Феномен «слепого зрения» – способность неосознанно

воспринимать местоположение предмета, его форму, направление движения, убеждает нас в возможности восприятия и обработки стимулов без участия сознания. Но он же острее ставит вопрос: зачем тогда вообще требуется сознание? И каковы его эволюционные функции, если организм может управляться в «полной темноте»? И это не единственный провокационный феномен в медицинской практике. Описать их все в рамках статьи не представляется возможным.

Более того, следует иметь в виду, что естественное объяснение факта соответствия мозговых и ментальных процессов, является своего рода всего лишь консенсусом. Но консенсус, как сказали бы логики, – это весьма «слабый» доказательный тезис. Сами нейрофизиологи указывают, что определить конкретные мозговые корреляты и причины тех или иных состояний сознания крайне затруднительно. То есть невозможно дать чёткого и внятного ответа на вопросы: как мозг порождает сознание и почему он его порождает? Даже если допустить, что когда-либо в обозримом будущем станет возможным установить какие нейронные процессы соотношены с конкретными ментальными состояниями, это не снимет проблему. Так как надо будет ещё понять, почему эти процессы вызывают именно такие состояния и возможно ли, что их будет вызывать что-то другое и, наконец, почему вообще ментальные состояния существуют в привязке к нейронным процессам?

Тогда как же так получается, что нам совершенно неизвестны корреляты или причины конкретных состояний сознания, но при этом мы совершенно уверены, что мозг является источником их порождения? Что стоит за этой уверенностью? Очевидно, – только голый факт, что изменения, происходящие в мозге, как правило, сопровождаются сменой ментальных состояний. Но не сложно показать, что

этот факт совершенно недостаточен для подобных утверждений. Ведь он может быть согласован и с другими гипотезами, например, что мозг не столько создаёт или «вызывает» сознание, сколько «собирает» и фокусирует его.

Выходит, когда мы пытаемся уточнить внешне безобидное утверждение о зависимости сознания от мозга, мы очень быстро обнаруживаем, что оказываемся в тупике. Более того, возникает чувство, что, куда бы мы не шли, тупик неизбежен. Значит, проблема сознания не только не проста, здесь нечто большее: она прямым образом ведёт к парадоксам.

В частности, мозг – это физический объект, и у него есть обычные для физических вещей свойства: масса, объём, плотность, температура. Все эти качества можно описать с помощью физических теорий. А вот как объяснить из физической теории сознание? Мысли и ощущения, очевидно, существуют, но их невозможно так просто свести к физическому. Сознание представляет собой какой-то отдельный, отличный от физического феномен, со своими особыми свойствами (интенциональностью, субъективностью, целеполаганием). Но как физические процессы способны породить нечто столь отличное? Этот вопрос вызывает глубочайшее замешательство. Связано это с тем, что простая логика требует от нас признать – переход от физической причины к нефизическому следствию (и наоборот) представляет собой проблему – или весь ряд должен быть физическим, или весь он должен быть нефизическим. Только так мы можем мыслить мир непротиворечиво.

И здесь загадка отношения сознания и мозга превращается в проблему: 1) свойства мозга и сознания принципиально отличаются; 2) сознание каузально эффективно, т.е. может влиять на поведение человека, в том числе на мозг и наоборот; 3) физический мир каузально замкнут. «Каузальная замкнутость» означает, что поток причин и следствий, во-первых, должен быть

непрерывен, а во-вторых, должен быть однородным. Иными словами, физическое следствие должно иметь позади себя физическую причину, а физическая причина должна вызывать к жизни физическое следствие. Все эти три утверждения кажутся правильными. Но принять можно только любые два. Вместе эти высказывания никак не согласуются.

Отметим, что такой способ постановки вопроса о сознании известен под названием психофизической проблемы или, пользуясь терминологией англоязычной философии (где она последние десятилетия обсуждается более всего) mind-body problem.

Таким образом, для решения психофизической проблемы необходимо говорить не о наблюдаемых фактах, а о сущностном отношении ментального (сознания) и физического. Но тогда следует прояснить, что именно скрывается за этими понятиями. Определить их онтологический статус. И именно в этой плоскости и лежит основная проблема, связанная с феноменом сознания (а не в плоскости психофизики, как могло показаться в начале).

Австралийский философ Дэвид Чалмерс полагает, что, говоря о проблеме сознания, следует выделять два уровня её сложности: проблемы лёгкие и проблему трудную [3].

Лёгкие проблемы (не являющимися лёгкими в прямом смысле этого слова) – это вопросы о том, как функционирует внимание и память, как происходит распознавание и категоризация внешних стимулов, в чём заключается способность давать отчёт о своих внутренних состояниях и способность контролировать собственное поведение, в чём разница между сном и бодрствованием и другие. Для того чтобы объяснить указанные феномены, необходимо «всего лишь» узнать специфику, выполняемых ими функций, а затем определить какие механизмы в работе мозга ответственны за

реализацию данных функций. В связи с этим лёгкие проблемы имеют непосредственное отношение к решению психофизической проблемы. В сущности, в лёгких проблемах мы имеем дело так сказать с «сознанием о».

Лёгкие проблемы хотя и требуют проведения точных экспериментов, применения чрезвычайно сложных математических расчетов и т.д., тем не менее, могут быть разрешены с использованием того же арсенала естественных наук, который успешно применяется для решения не менее сложных задач расшифровки генома, проектирования космических ракет, создания квантового компьютера и прочее.

Трудная проблема сознания – это тот его аспект, который и делает сознание непохожим на все остальные феномены физического мира. Это так сказать «сознание о «сознании о». О нём мы говорили в самом начале статьи – это то самое *субъективное качество опыта*, которое мы всегда и с легкостью можем получить как сознательные чувствующие существа, и которое наука в её нынешнем состоянии, по-видимому, ухватить не способна. Обобщая, можно сказать, что легкие проблемы сознания отвечают на вопрос «как работает сознание?», тогда как решение трудной проблемы предполагает уточнение онтологического статуса сознания, т.е. ответа на вопрос «что это вообще такое?».

Трудная проблема касается описания того, как мы внутренне ощущаем (а точнее переживаем в экзистенциальном смысле) цвета и звуки, как мы испытываем боль и наслаждение. При восприятии, мышлении, действии запускается множество причинно-следственных и информационных процессов, но обычно они не протекают в темноте. Тут есть и какой-то внутренний аспект; что-то, выражающее то, каково это – быть сознательным агентом [3]. Этот внутренний аспект и есть сознательный опыт. Сознательный опыт

варьируется от ярких визуальных ощущений цветов до чувства едва уловимых ароматов; от резких болей до ускользающих мыслей; от банального зуда до глубинного экзистенциального ужаса; от специфического вкуса шоколадной конфеты до опыта самости. Всем этим вещам присущи особые *переживаемые* в опыте качества.

Если воспользоваться выражением Томаса Нагеля – каково это быть летучей мышью? То мы можем сказать, что некое существо сознательно тогда, когда есть *нечто*, выражающее то, *каково это* – быть этим существом.

Говоря о субъективном качестве опыта, следует объяснить, по меньшей мере, две главные вещи. Первой и наиболее важной из них является само существование сознания. Почему вообще должен существовать сознательный опыт? Глядя объективно (а не с субъективных позиций!) существование сознания совсем не обязательно. В факте его бытия есть что-то *неожиданное*. Если бы мы располагали лишь физическими знаниями любого уровня сложности, то у нас не было бы никаких убедительных оснований полагать наличия сознательного опыта у кого бы то ни было. Если бы это не было прямо засвидетельствовано с позиции первого лица, такая гипотеза казалась бы нам необоснованной, а возможно даже, и мистической.

Вторая вещь, нуждающаяся в объяснении, – это специфический характер сознательного опыта – почему конкретные переживания устроены именно *так*, а не *иначе*? Почему опыт именно таков? И почему, например, наше ощущение красного красновато, а не выглядит как-то совершенно иначе, скажем, как звук трубы? Когда кто-то нажимает клавиши фортепьяно, то в воздухе возникает звуковая волна, попадающая в наше ухо. Далее эта волна отправляется в слуховую кору, где происходит её обработка: выделение различных частот этого сигнала, категоризация и, в конечном счёте,

реакция. Все это в принципе несложно понять и объяснить. Но почему это должно сопровождаться *опытом*? И почему, в частности, это должно сопровождаться *именно таким* опытом, с характерным богатым тоном и тембром и характерным субъективным переживанием? Это два центральных вопроса, на которые хотелось бы получить ответ в теории сознания. Очевидно, что они имеют качественно

иное звучание, чем вопросы, относящиеся к лёгким проблемам.

Итак, видно, что попытка объяснить феномен сознания исходя из здравого смысла, не только не даёт сколько бы то ни было ощутимых результатов, а порождает лишь ряд не простых вопросов (психофизическая проблема). И ни в малейшей степени не приближает нас к самому главному – к пониманию того, что же это такое – сознание? К решению трудной проблемы данного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ньюберг Э., Д'аквили Ю., Рауз В. Тайна Бога и наука о мозге: Нейробиология веры и религиозного опыта. М.: Эксмо; 2013. 320 с.
2. Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики. М.: АСТ:АСТ МОСКВА: Полиграфиздат; 2010; с 84.

3. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2013. 512 с.